

V Международная богословская конференция
Русской Православной Церкви

«ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ»

Москва, 13–16 ноября 2007

доц. протоіерей Валентинъ Асмусъ
МДА

УЧЕНИЕ О ТАИНСТВАХЪ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И РУССКИХЪ ДОГМАТИЧЕСКИХЪ СИСТЕМАХЪ XIII — I-Й ПОЛ. XX В.

Учение о Таинствахъ не было завершено и систематизировано въ святоотеческую эпоху. Лишь въ началѣ XI в. увидѣлъ свѣтъ трактатъ свт. Симеона Солунскаго о семи таинствахъ. Лишь въ XII в., въ отвѣтъ на вызовъ протестантизма потребовалось дать развернутое учение о Таинствахъ. Въ результатѣ дѣятельности православныхъ богослововъ и постановленийъ Магистеріума въ православномъ ученіи о таинствахъ немалое мѣсто заняли вѣроопредѣленія и другіе документы поствизантийской эпохи.

Одинъ изъ важныхъ документовъ, относящихся къ Таинствамъ — переписка Константинопольскаго Патріарха Іереміи II съ лютеранскими богословами. Патріархъ учитъ, что «послѣ освященія чрезъ Духа Святаго хлѣбъ прелагается въ само Тѣло Христово и вино — въ Саму Кровь». Нѣмецкіе корреспонденты Патріарха должны были понять, что православные не приѣмлютъ лютеранской доктрины импанации, и Крузіусъ, адресатъ и издатель этого (1-го) патріаршаго посланія, поставилъ на поляхъ своего изданія противъ цитированныхъ словъ: «μετουσίωσις transsubstantiation», признавъ, что здѣсь, въ ученіи объ «образѣ присутствія», православное учение совпадаетъ съ католическимъ. (Wort und Mysterium. Der Briefwechsel ueber Glauben und Kirche 1573 bis 1581 zwischen den Tuebinger Theologen und dem Patriarchen von Konstantinopel. Witten (Ruhr) 1958)

Въ XIII в. увидѣлъ свѣтъ цѣлый рядъ вѣроучительныхъ постановленийъ церковнаго магистеріума, имѣющихъ значеніе не только въ силу ихъ всеправославной рецепціи, но и въ силу ихъ содержанія. Ими Церковь навсегда оградила себя отъ различныхъ протестантскихъ лжеученій. Въ области ученія о Таинствахъ самымъ значимымъ въ нихъ было утвержденіе седмичнаго числа Таинствъ и введеніе понятія и термина пресуществленіе. Это послѣднее было совершенно необходимо Церкви, хотя вызывало и иногда вызываетъ до сихъ поръ нападки. Эти нападки можно сравнить съ критикой, которую въ II в. выдержало «единосущіе», терминъ, заимствованный изъ философіи, не встрѣчающійся въ Св. Писаніи и еще въ III в. осужденный какъ еретическій. Православные, однако, поняли, что только съ помощью «единосущія» можно было оградить Церковь отъ аріанства и разныхъ формъ субординаціонизма. Такъ же и пресуществленіе, терминъ, введенный въ христологию аристотеликомъ II в. Леонтіемъ Іерусалимскимъ, лишь послѣ отдѣленія Запада отъ Православной Церкви сталъ использоваться на Западѣ въ ученіи о Евхаристіи, но былъ реципированъ на Востокѣ какъ необходимый въ контекстѣ антипротестантской полемики.

Уникальнымъ вѣроучительнымъ постановленіемъ, надъ которымъ работали вмѣстѣ русскіе и греческіе богословы, явилось Исповѣданіе свт. Петра Могилы (1596–1646/7). Кіевскій святитель остро ощущалъ потребность въ катихизисѣ, который давалъ бы общедоступное положительное изложеніе православной вѣры и отражалъ атаки католической и протестантской пропаганды. Составивъ съ помощью кіевскихъ богослововъ свое Исповѣданіе, Кіевскій Митрополитъ представилъ его въ 1640 г. мѣстному Собору, а затѣмъ — Ясскому Собору 1642. Выдающійся греческій богословъ Мелетій Сиригъ принялся за переводъ Исповѣданія на новогреческій языкъ. Частично выполненный переводъ былъ одобренъ въ 1643 Соборомъ во главѣ съ четырьмя восточными Патріархами. Свт. Петръ, не дождавшись перевода и одобрения полного текста Исповѣданія издалъ его въ Кіевѣ въ 1645 г., а въ 1649 вышло московское, нѣсколько переработанное изданіе, до сихъ поръ сохраняющее

авторитет у старообрядцев под названием Малаго Катихизиса. В 1667 г. в Амстердаме вышло полное греческое издание Исповѣданія, а в 1696 в Москве был издан его славянский перевод с предисловием Патриарха Адриана.

Слѣдующій символическій текст — Исповѣданіе Патриарха Досиѣя, одобренное Иерусалимским Собором 1672 г. и в 1723 г. составившее основную часть посланія Константинопольскаго Собора, в котором участвовали 3 Патриарха, «неприсягающимъ» англиканамъ, с которыми греки вели переговоры через посредство російскаго Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ, Посланіе Восточныхъ Патриарховъ 1723 г. получило одобрение и Русской Церкви.

Большое значеніе имѣло и Дѣяніе Константинопольскаго Собора 1691 г., анаематствовавшее противниковъ пресуществленія. В Соборѣ участвовали Патриархи Константинопольскій Каллиникъ и Иерусалимскій Досиѣй. Важнѣйшая часть сего Дѣянія была включена в Посланіе Патриарха Московскаго Адриана, т.е. оно было реципировано Русской Церковью.

Лаврентій Зизаній (Тустановскій), протоіерей изъ Львова, прибылъ в 1626 на Москву и предложилъ Патриарху Филарету Никитичу рукопись своего Катихизиса. Послѣ внесенія в него исправленій, в чемъ принималъ участіе и самъ Патриархъ, уже в 1627 Катихизисъ былъ напечатанъ. Написанный не всегда вразумительнымъ «литовскимъ», т.е. западнорусскимъ языкомъ, этотъ Катихизисъ, получившій именованіе Большого, былъ вытѣсненъ переизданіемъ в Москвѣ в 1649 «Малаго Катихизиса» свт. Петра Могилы. Большой Катихизисъ, сохранявшій и до сей поры сохраняющій свой авторитетъ у старообрядцевъ, былъ в 1783 перепечатанъ ими в Гродно, что положило начало множеству старообрядческихъ, а затѣмъ и единовѣрческихъ переизданій. Повидимому, именно популярностью Большого Катихизиса у старовѣровъ объясняется муссированіе в противораскольнической литературѣ сообщеній о томъ, что Патриархъ Филаретъ, напечатавъ Катихизисъ, якобы препятствовалъ его распространенію.

Общее ученіе «О семи святыхъ тайнахъ церковныхъ» дается на л. 353–361 Московскаго изд. 1878, «О крещеніи» — на л. 361–373 об., «О мвропомазаніи» — на л. 373 об., «О рукоположеніи» — на л. 378 об. — 379, «О четвертой тайнѣ Тѣла и Крове Христовы» — на л. 379–389, «О покаяніи» — на л. 389 об. — 390 об., «О брацѣ» — на л. 391–392, «О масле священіи, или о послѣднемъ елеосвященнопомазаніи» — на л. 392–395 об.

Основнымъ направлениемъ львовско-кіевскаго богословія была антилатинская полемика. Однако у Лаврентія в его ученіи о таинствахъ присутствуетъ и насущно необходимая в историческій моментъ натиска протестантизма на православіе в Польшѣ, Россіи и даже в Османской имперіи полемика антипротестантская: «...прельстишася звингліяне, и кальвинѣстове, и прочіи съ ними творящіи святія тайны церковныя праздна и нага знаменія» (тамъ же, л. 355).

Ученіе Катихизиса о Таинствахъ несетъ очевидную печать западнаго вліянія. Это сказывается уже в самихъ названіяхъ нѣкоторыхъ Таинствъ: «Утверженіе или хрисма, сирѣчь мвропомазаніе», «масло священіе, или послѣднее елеосвященное помазаніе». Послѣдовательно обозначены матерія («вещество») и форма («видъ или видотвореніе») каждаго Таинства. В то же время ученіе о Таинствахъ основывается на достаточно объемномъ матеріалѣ святоотеческихъ цитатъ.

Евхаристія занимаетъ особое мѣсто в ряду Таинствъ какъ «источникъ всѣхъ благовъ духовныхъ». Отъ прочихъ Таинствъ Евхаристія отличается тѣмъ, что «въ прочихъ не премѣняется вещество въ вещь юже знаменуетъ. Яко въ крещеніи не премѣняется вода во одрожденіе духовное, еже знаменуетъ. Во Благодареніи же хлѣбъ и вино премѣняются въ тое еже знаменуютъ, сирѣчь въ Тѣло и Кровь Господню».

Катихизисъ настаиваетъ на жертвенномъ аспектѣ Евхаристіи, не сводимомъ къ Причащенію. «Первѣе убо, яко въ тайнѣ приѣмлемъ отъ Бога дарованія небесная, имиже оправдаемъ. Въ жертвѣ же не приѣмлемъ тако внигда приносимъ ю, но прежде даемъ Господу Богу еже возлюбленное и предрагое имамы, хотяще Богу явити приношеніемъ ея благоусердіе, и со благоговѣніемъ почитающе

Его испросити потребная. Второе же, яко въ Тайнѣ сей укрѣплєніе и пищу духовную имама. Въ жертвѣ же дозволєніе о грѣсѣхъ нашихъ отдаемъ, и очищеніе содѣваемъ. Тоежде бо тѣло и туоуде кровь приносимъ, вземшую на крестѣ всего міра грѣхи. Третіе, въ семь разньствуютъ, яко тайны токмо употребляющаго ея пользуетъ и освящаетъ. Жертва же и прочимъ всѣмъ и далече сущимъ пріобрѣтеніе содѣваетъ, и благодать у Бога ходатайствуетъ. И не живущимъ точію но и усопшимъ, не о себѣ бо самѣхъ точію но и о всемъ мірѣ приносимъ ю» (тамъ же, л. 381–381 об.).

Здѣсь лексика выдаетъ латинское вліяніе: «дозволєніе» — конечно же, латинское *satisfactio*. Но пусть не спѣшатъ торжествовать сторонники исторической теоріи «западнаго плѣненія» православнаго богословія. У христіанскихъ авторовъ (Тертулліана, Кипріана, Лактанція, Амвросія, Григорія Двоеслова и др.) *satisfactio* — эквивалентъ покаянія, напрімѣръ: *fletus satisfactionis* — покаянный плачь. Но за исключєніемъ отдѣльныхъ словъ, весь приведенный пассажъ о жертвенномъ характерѣ Евхаристіи можетъ быть подтвержденъ самимъ текстомъ православныхъ Литургій.

Жертвенный характеръ Евхаристіи явленъ на Тайной Вечери. «На онѣй Вечери тѣло Его дается. Не глаголетъ: вамъ даемое, но: за васъ даемое. Кому же есть даемое? Богу въ жертву и въ приношеніе. За васъ, рече, а не: вамъ. Ино бо есть рещи: даемое вамъ ко причащенію, ино же паки: даемое за васъ въ жертвѣ, сирѣчь во оставленіе грѣховъ... Отсюду благоявленно есть, яко Господь нашъ Ісусъ Хрїстосъ не точію на крестѣ тѣло и кровь Свою Богу принесе, но и на Тайнѣй Вечери».

Образъ присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ опредѣляется такъ: «Литургія или Евхаристія... жертва есть и тайна, содержащая въ себѣ истинное, изъ хлѣба премѣненное, или претворенное Тѣло Христово, изъ вина истую Кровь Его». Претвореніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь оставляетъ лишь внѣшніе признаки хлѣба и вина, безъ ихъ естества и существа: «въ тайнѣ сей пребываютъ знаменія хлѣба и вина, сама о себѣ безъ основанія и водруженія и безъ естества и существа хлѣбна и винна». Это обосновывается цитатами изъ святыхъ Кипріана, Кирилла Іерусалимскаго, Дамаскина и Кирилла Александрійскаго, изъ коихъ послѣдняя объясняетъ сохраненіе внѣшнихъ признаковъ хлѣба и вина снисхожденіемъ Бога къ человѣческой немощи, т.к. человѣку было бы невыносимо видѣть Тѣло и Кровь съ ихъ внѣшними признаками (Посланіе къ Калосирію, PG. 76).

Что же до «формы» Таинства, Катихизисъ полагаетъ таковою установительныя слова (со ссылкой на извѣстное мѣсто у св. Златоуста), но сопровождаетъ это явно заимствованное у латинянъ ученіе существенными оговорками. Онъ указываетъ, что слова Господни — часть Литургіи: «Жрите и приносите со благодареніемъ, и освящайте со благословеніемъ... Сія вся [т.е. весь контекстъ Литургіи] къ видотворенію жертвы и тайны сея ключима суть [т.е. относятся къ «формѣ»]. Но сія [установительныя] глаголы дѣйственнѣйшія въ той святой тайнѣ». Кромѣ того, со ссылками на восточныхъ отцовъ указывается на участіе въ евхаристическомъ «благословеніи и освященіи» Святаго Духа: «Силою Божіею и дѣйствомъ Святаго Духа сіе бываетъ, и онѣми [установительными] глаголы Божіими... Хлѣбъ онѣй таинственными глаголы, святымъ благословеніемъ и пришествіемъ Святаго Духа прелгается въ Тѣло Христово...»

Катихизисъ, какъ видимъ, отвергаетъ протестантское пониманіе Таинства Евхаристіи и значительно нивелируетъ особенности католическаго его пониманія. «Образъ присутствія» Лаврентій Зизаній понимаетъ вполнѣ православно.

Изъ многочисленныхъ вѣроучительныхъ твореній великаго учителя русскаго народа свт. Димитрія Ростовскаго упомянемъ «Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ, и о прочихъ ко знанію Христіанину нужнѣйшихъ».

Въ ученіи о тайносовершеніи св. Димитрій вѣренъ латинизирующей школѣ своего времени, говоря о матеріи и формѣ таинства и «необходимомъ намѣреніи» тайносовершителя: для совершенія таинства необходимо, «1. чтобы былъ законный... служитель Тайны; 2. вещь или матерія каждой Тайнѣ приличная; 3. образъ или форма, имиже дѣйствуется Тайна всякая и совершается, сирѣчь призываніе Святаго Духа, и видъ словесъ, имиже Іерей совершаетъ Тайну силою Святаго Духа, съ мыслию изреченною, еже освятити Тайну». Подъ вліяніемъ московскаго спора о времени пресуществленія св. Димитрій учитъ, что форма Тайны Святыѣйшей Евхаристіи — «Словеса къ Богу

Отцу реченная: и сотвори убо хлѣбъ сей, честное Тѣло Хріста Твоего, а еже въ чаши, честную Кровь Хріста Твоего; и тогда существо хлѣба и вина претворяется въ существо Тѣла и Крови Хріста Бога нашего, дѣйствіемъ Святаго Духа и молитвою Іерейскою». Мы «не видимъ, но несумнѣнно вѣруемъ» что въ Евхаристіи происходитъ «пресуществленіе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Хрістову... Хлѣбъ... претворяется изъ существа хлѣба въ существо Тѣла Хрістова, оставльшуся токмо хлѣбному виду, вино же въ существо Крове Хрістовы». Евхаристическая жертва приносится «Вопервыхъ, за все уставленіе чловѣковъ, сирѣчь, за духовное и гражданское Начальство, какъ показано на Проскомидіи и на эктеніахъ; вовторыхъ, за всѣхъ живыхъ, не токмо правовѣрныхъ, но и невѣрныхъ, да обратятся; втретьихъ, за умершихъ въ правовѣрїи, и за всѣ нужды церковныя, не выключая и приносящаго, сирѣчь, Священника». (Сочиненія св. Димитрія, митр. Ростовскаго, т. I, М., 1839, с. 102, 106–107)

Θеофанъ Прокоповичъ (1681–1736), архіепископъ Новгородскій, вошелъ въ исторію Русской Церкви какъ авторъ «Духовнаго Регламента», а въ исторію русскаго богословія — какъ глава направленія, отмѣтившаго весь XIII в. печатью протестантскаго вліянія. Въ чемъ-то вліяніе ощущается до сихъ поръ: рѣшеніе проблемы канона Св. Писанія отдѣлило русскую церковную науку, принявшую протестантскій канонъ, отъ греческой, гдѣ LXX сохраняетъ авторитетъ.

Богословскія сочиненія Θеофана изданы его учениками и продолжателями очень нескоро послѣ его смерти. Мы не ставимъ себѣ цѣлью рѣшать вопросъ о томъ, насколько широка была редакціонная работа издателей. Само названіе интересующаго насъ здѣсь III тома его Догматики говоритъ, что эта работа была значительна. *Christiane orthodoxae Theologiae eadem serie ac methodo qua Theophanes Procopowitz usus est in Academia Kiowiensi adornatae et propositae vol. III (Lipsiae, ex officina Breitkopfii MDCCLXXXIII)* — предстаётъ намъ какъ памятникъ цѣлой школы.

Ученіе о таинствахъ составляетъ Книгу 12–ю, pp. 482–757. Глава I — «О таинствахъ вообще» (483–506), глава 2 — «О таинствахъ Ветхаго Завѣта» (507–514); глава 3 — «О таинствахъ Новаго Завѣта» (515–520); гл. 4 — «О крещеніи» (520–569); глава 5 — «О мвропомазаніи или конфирмаціи» (570–594); глава 6 — «О Евхаристіи или Святой Вечери» (594–684); глава 7 — «О покаяніи или исповѣданіи грѣховъ, связанномъ со священническимъ разрѣшеніемъ» (684–702), глава 8 — «О священствѣ или лучше о хиротоніи, т.е. возложеніи рукъ, которое примѣняется при посвященіи служителей церкви» (702–723), глава 9 — «О бракѣ (723–751); глава 10 — «О послѣднемъ помазаніи или лучше елеосвященіи, т.е. чинѣ помазанія больныхъ освященнымъ елеемъ» (751–753); глава 11 — «О пользованіи вышеизложеннымъ ученіемъ» (753–757).

Опредѣленіе таинства Евхаристіи гласитъ: «Евхаристія или Святая Вечера — таинство, установленное и преданное Самимъ Спасителемъ нашимъ, въ которомъ мы подъ видомъ хлѣба вкушаемъ истинное и существенное (*substantiale*) Тѣло Хрістово, подъ видомъ вина піемъ истинную и существенную Его Кровь во оставленіе грѣховъ и въ стяжаніе жизни вѣчной» (р. 602). Рѣшительно отвергается евхаристическій символизмъ реформатовъ (кальвинистовъ). Менѣе опредѣленно отвергается ученіе о евхаристіи «протестантовъ или евангеликовъ» (лютеранъ), ученіе, «несвободное отъ своихъ ошибокъ», которое могло бы быть подробно изслѣдовано и опровергнуто, что, однако, въ задачу автора не входитъ. Лютеранское ученіе состоитъ въ томъ, что «матерія, называемая земной, т.е. хлѣбъ и вино въ освященіи такъ соединяются съ матеріей небесной, т.е. истиннымъ Тѣломъ и Кровью Хріста, что съ хлѣбомъ, въ хлѣбѣ, подъ хлѣбомъ, съ виномъ, въ винѣ, подъ виномъ истинно и реально всѣмъ, кто пользуется Святой Вечерей, подается и съ хлѣбомъ, безъ всякаго превращенія (*conversionem*), вкушается Тѣло Хрістово, а съ виномъ піется Кровь Его». И кальвинисты, и лютеране «воздаютъ Евхаристіи меньше, чѣмъ слѣдуетъ». Гораздо охотнѣе и пространнѣе говорится о «Римлянахъ» (католикахъ), которые «приписываютъ Евхаристіи больше, чѣмъ подобаетъ» (р. 621).

Прежде всего осуждается ученіе о тайносовершеніи «*ex ore operato*». Причемъ съ самаго начала незамѣтно подменяются понятія. Ставится вопросъ, «сообщаютъ ли таинства божественную благодать *ex ore operato*», т.е. вопросъ о дѣйственности таинствъ, тогда какъ весь смыслъ ученія о тайносовершеніи въ силу совершеннаго дѣйствія относится къ дѣйствительности таинствъ. У Θеофана къ данному ученію отношеніе двойственное. Протестантствующему уму нравится, что здѣсь

исключается мысль о какой бы то ни было заслуге тайносовершителя и прие́млющих таинства. Но все же учение о «ex opere operato» объявляется никчемною выдумкою папистов (pp. 504–506, 621–622).

Но гораздо больший сарказм Теофана вызывает слово пресуществление, которым «всё, напитанные римскими [понятиями о] священномъ, мнятся изъяснить модусъ присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ въ Евхаристіи». Теофанъ не жалѣетъ бранныхъ словъ въ отношеніи тѣхъ, кого онъ считаетъ носителями “римскаго” вліянія. По существу же онъ мало что можетъ имъ возразить. Прежде всего онъ указываетъ на неизъяснимость тайны, какъ будто исповѣдующіе пресуществление отвѣчаютъ на вопросъ, *какъ* совершается таинство. Затѣмъ дается цѣлый рядъ историческихъ контраргументовъ. «Слово *transsubstantiatio* — варварское, недавно измышленное, почерпнутое изъ схоластическаго болота, древней болѣе чистой (*castiori*) православной церкви невѣдомое, лишь въ IX в. прежде всего черезъ Пасхалія Радберта появившееся на свѣтъ», догматизированное западной церковью въ 1215 (р. 622). Теофанъ заявляетъ, что когда латиняне стали навязывать грекамъ слово пресуществление, они этимъ дали «важнѣйшій поводъ для раздора между латинской и греческой церковью». Однако, добавимъ отъ себя, православные почему-то не пожелали воспользоваться этимъ поводомъ: уже въ 1274 употребилъ слово *μετουσίωσις* Императоръ-уніатъ Михаилъ III, уже въ серединѣ XII в. братья Кидони перевели на греческій всю Сумму теологіи Аквината, но православные, которые вели ожесточенную полемику съ латинянами, въ томъ числѣ и о Евхаристіи, не обратили никакого вниманія на доктрину пресуществленія, не усмотрѣвъ въ ней ничего неправославнаго. Нужно было дожидаться XIII в., чтобы противъ пресуществленія выступилъ кальвинизирующій патріархъ Кириллъ Лукарисъ (Кириллъ Лукарисъ. Восточное исповѣданіе христіанской вѣры. СПб 2000, с. 43, 64, 79), а въ XIII — лютеранствующій архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ. Первымъ греческимъ іерархомъ, усвоившимъ доктрину пресуществленія, Теофанъ называетъ Гавріила Севира, митрополита Филадельфійскаго (до 1540–1616) (р. 623), хотя таковымъ былъ уже Геннадій II Схоларій патріархъ Константинопольскій (ок. 1403 — ок. 1472). Вліяніемъ схоластики Прокоповичъ противопоставляетъ чистую вѣру первыхъ вѣковъ, въ характерно протестантскихъ выраженіяхъ, лишній разъ подтверждающихъ, что онъ придерживался принципа *sola Scriptura*: «Первые учредители церкви Христовой никогда не возбуждали никакихъ споровъ о модусѣ присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ въ святѣйшей вечери. Вѣра ихъ была простѣйшая, не подверженная никакимъ человѣческимъ украшательствамъ и помраченіямъ, никакимъ изобрѣтательнымъ и празднымъ вопросамъ, но опирающаяся на основанія Священныхъ Писаній. Дѣйствительно, они имѣли большее отвращеніе къ [всему] таковому, чѣмъ къ чумѣ и змѣю и покоились на томъ нерушимомъ исконномъ ученіи, которое почерпается изъ надежнѣйшихъ и яснѣйшихъ реченій Священнаго Писанія». Въ доказательство Теофанъ приводитъ текстъ Игнатія Богоносца (Смирн. 7, 1): «Они удаляются отъ Евхаристіи и молитвы по той причинѣ, что не признаютъ, что Евхаристія есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа» (р. 624), знаменательнымъ образомъ обрывая цитату, а продолженіе ея — «которая пострадала за наши грѣхи, но которую Онъ воскресилъ по Своей благодати» — утверждаетъ тождество «историческаго» и сакраментальнаго Тѣла Христова. Затѣмъ цитируются или упоминаются св. Іустинъ Философъ, свт. Иринеи и Оригенъ. Наконецъ, слѣдуетъ приведенная Геласіемъ Кизическимъ (послѣдняя четв. I в.) цитата изъ неизвѣстнаго источника, приписывавшаяся I Вселенскому Собору: «Не будемъ принижено думать о хлѣбѣ, подлежащемъ на божественной трапезѣ, и о чашѣ, но возвышая свой умъ, вѣроуразумѣемъ, что на священной трапезѣ возлежитъ агнецъ оный Божій, вземлющій грѣхи міра, безкровно [греч. нежертвенно] священниками принесенный [греч. приносимый] въ жертву, и что истинно прие́мля честное Его тѣло и кровь, вѣруемъ, что сіи суть символы нашего воскресенія» (р. 625–626. Теофанъ цитируетъ по-латыни. Греч. см. PG. 85. Col. 1317; *Mansi*. Т. 2. Col. 888). Но на этомъ, по Теофану, и заканчивается періодъ «простоты», когда ни слова не говорилось «ни о способѣ присутствія, ни о пресуществленіи». Это связано съ общей возрожденско-просвѣщенческой «исторіософіей», которая проявилась и въ написанномъ Теофаномъ Духовномъ Регламентѣ. Послѣдній гласитъ: «отъ пятисотнаго до

четыренадцатого году, си есть чрезъ 900 лѣтъ во всей Европѣ вся, почитай, ученія въ великой скудости и не искусствѣ были, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ въ оныя времена писавшихъ остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ... все худшее въ темныхъ, нежели свѣтлыхъ учениемъ временахъ; не спесились такъ епископы до четырестого лѣта, какъ послѣ возгордились, наипаче Константинопольскій и Римскій, ибо тогда было учение, а послѣ оскудѣло» (Верховской П.В. Учрежденіе Духовной Коллегии и Духовный Регламентъ. Т. II. Матеріалы. Ростовъ на Дону 1916, с. 52). Характерно, что презрѣніе къ «темнымъ вѣкамъ» здѣсь равно относится къ Западу и къ Востоку, а нечеткость въ опредѣленіи точки хронологическаго отсчета какъ бы подчеркнуто протягиваетъ границу къ 400 г., когда Константинопольскую кафедру занималъ св. Златоустъ. Въ «Догматикѣ», однако, эта граница отодвигается еще дальше, и деградация усматривается въ годы, ближайшіе послѣ I Вселенскаго Собора: «святые отцы... начали нѣсколько тоньше вникать въ сей модусъ присутствія Тѣла и Крови Христовыхъ». Св. Кирилль Іерусалимскій († 386) «первый повелъ себя болѣе самонадѣянно и открылъ окно другимъ въ сторону послѣдующаго болѣе высокаго (altius) пониманія способа сего присутствія» (р. 626). Вспомнимъ уже цитированную фразу Θεοφана, гдѣ противопоставлялись протестанты, думающіе о Евхаристіи меньше, чѣмъ подобаетъ, и католики, мнящіе о ней болѣе чѣмъ слѣдуетъ (р. 621). Теперь мы видимъ, что онъ мѣтитъ не въ католиковъ только, но и въ восточныхъ святыхъ отцовъ, у которыхъ онъ усматриваетъ тѣ же недостатки. Слѣдующая ступень деградации — эпоха Іоанна Дамаскина, когда философія Аристотеля стала понемногу проникать въ Западную Церковь, а самъ Дамаскинъ слѣдовалъ богословской методѣ, весьма близкой къ схоластико-систематической, и поэтому рассуждалъ о Евхаристіи «болѣе свободно». Наконецъ, Θεοφιλαкта Болгарскаго Догматика относитъ къ вѣку «варварскому и некультурному». Впрочемъ, Догматика съ одобреніемъ отмѣчаетъ, что до самого Марка Эфесскаго включительно восточные отцы не пользовались словомъ пресуществленіе. Высказывается изумленіе по поводу употребленія этого слова въ Православномъ Исповѣданіи Петра Могилы, что объясняется вліяніемъ католической школы или даже прямымъ вмѣшательствомъ латинянъ.

Догматика Θεοφана отнюдь не свободна отъ внутреннихъ противорѣчій: съ одной стороны, мы видимъ здѣсь жесткую линію самого Θεοφана или его вѣрныхъ послѣдователей, съ другой же стороны чья-то рука немало сдѣлала, чтобы сгладить или вовсе удалить яркія протестантскія черты первоначальнаго Θεοφанова курса. Поскольку Догматика формально отмежевывается отъ лютеранской доктрины импанаціи, хотя и не даетъ никакой ея критики, и не объясняетъ, чѣмъ «пресуществленіе» хуже многочисленныхъ греческихъ и болѣе раннихъ латинскихъ аналогичныхъ терминовъ, можно считать, что отверженіе пресуществленія здѣсь скорѣе вербальное, связанное съ презрѣніемъ къ средневѣковью и съ неприятиемъ аристотелианской схоластики.

Платонъ (Левшинъ), впослѣдствіи митрополитъ Московскій въ 1775–1812, послѣ того какъ Императрица Екатерина II назначила его учителемъ богословія къ Наслѣднику Великому Князю Павлу Петровичу, написалъ «Христіанскую Богословію» («Православное учение вѣры») (СПб 1765). Послѣдовали переводы: нѣмецкій (Рига 1770), латинскій (СПб 1774), французскій (СПб 1776), англійскій (Эдинбургъ 1814). Греческій просвѣтитель Адамантий Кораисъ перевелъ книгу подъ названіемъ «Ὁρθόδοξος διδασκαλία ἢτοι σύνοψις τῆς χριστιανικῆς θεολογίας» (Лейпцигъ 1782); въ 1851 въ Афинахъ вышло уже 4-е изданіе.

Павлу Петровичу было всего 9 лѣтъ, когда отецъ Платонъ сталъ его законоучителемъ, и книга, получившая такое широкое распространеніе, имѣетъ элементарный характеръ, просто и ясно излагая православное вѣроученіе.

Евхаристія — «знатнѣйшее христіанское таинство». «Евхаристія или причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба причащается самага тѣла Христова, а подъ видомъ вина самыя крове Христовы, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную» (Платонъ митр. Московскій. ПСС. СПб.: изд. Сойкина, [1913]. Т. 1. С. 759. Святые Дары освящаются призываніемъ Святаго Духа. Христіанинъ «въ сей высокой тайнѣ принимаетъ не простой хлѣбъ и не простое вино,

но, подъ видомъ того священнаго хлѣба, причащается самага истиннаго Христова Тѣла, которое, за искупленіе наше на крестѣ, въ жертву принесено и разными страданіями, яко хлѣбъ, было раздробляемо; подъ видомъ же того священнаго вина причащается самая истинныя крови Христовой; которая изъ ребръ Его святыхъ проистекла, и была очищеніемъ всѣхъ грѣховъ нашихъ» (ibid., с. 760). Эти слова, восходящія къ свт. Иоанну Златоусту, исключаютъ любую возможность символическаго или аллегорическаго, несобственнаго пониманія реальности Тѣла и Крови Христовыхъ въ Таинствѣ.

Платонъ напоминаетъ, что «первенствующей Церкви христіане всякую недѣлю принимали сію духовную пищу, и не было службы безъ причастниковъ. Послѣ по крайней мѣрѣ въ знатнѣйшіе праздники приступали къ сей тайнѣ...» «Должно всякому христіанину тайны сей причащаться не редко» (ibid. с. 762).

Платону принадлежитъ еще нѣсколько катихизисовъ. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ «Катихизисъ или превоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ, которое [...] всенародно толковано было въ Академической аудиторіи съ сентября 1757 по 15 іюля 1758 г.» о Евхаристіи здѣсь говорится болѣе пространно, чѣмъ въ «Православномъ ученіи...»:

«Всякая тайна [...] состоитъ изъ вещи видимой и невидимой [...] Сей тайны вещь видимая или матерія есть хлѣбъ и вино [...] Мы поступаемъ правѣе, употребляя хлѣбъ квасный [...] нежели западная церковь [...] Вещь невидимая и небесная въ сей тайнѣ есть тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Тѣло — самое то, на крестѣ за насъ Богу принесенное; кровь — самая та, во оставленіе нашихъ грѣховъ на крестѣ пролитая [...] Видь, или форма, или совершеніе сей тайны состоитъ въ призваніи отъ Церкви Бога съ вѣрою и упованіемъ — въ сей тайнѣ приобщитися Самого Христа; а оканчивается сія тайна, когда приемятся и вкушаются виды хлѣба и вина съ вѣрою тою, что тѣмъ самымъ яденіемъ приобщаемся тѣла Христова, за грѣхи на крестѣ принесеннаго, и пиемъ кровь Христову, во оставленіе грѣховъ изліянную» (ibid. с. 936–937).

«Если мы, приобщаясь тѣла и крови Христовыхъ, творимъ воспоминовеніе, что Христосъ пострадалъ за насъ и умеръ, грѣховъ отпущеніе и благодать заслуживши, [...] съ вѣрою такую, что все сіе до меня надлежитъ: то чрезъ таковое причащеніе подается оставленіе грѣховъ, благодать, утверждающая въ вѣрѣ и возбуждающая къ добродѣтелямъ. [...] приобщающіеся бывають во Христѣ, и Онъ въ нихъ. А сообщаться со Христомъ есть вѣрою почти претворяются въ Него, и внутрь Его вмѣщаются. [...] Чтобы было союзомъ любви [...], чтобы всѣ [...] стали членами единаго тѣла, подъ единою Главою, Христомъ. [...] Чтобы были знаменіемъ воскресенія къ животу вѣчному. [...] Понеже какъ ядушій хлѣбъ надѣется не умереть, такъ мы, приобщающіеся во Христа, надѣемся животь вѣчный получить» (ibid. с. 398).

«Молится [...] священникъ и вся Церковь, чтобы ниспослалъ Духа Святаго и сподобилъ бы чрезъ тайну сію приобщиться самага тѣла и крове Христовы не во осужденіе, но въ жизнь вѣчную» (ibid. с. 943).

«[...] ко кресту притекаемъ, пиемъ кровь и внутрь самыхъ язвъ Спасителя нашего полагаемъ языкъ; сіе упоеніе не возжигаетъ, но погашаетъ грѣхъ» (ibid. с. 944).

«Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ да сотворить, чтобы мы, приобщаясь Таинъ и вспоминая Его, нѣкогда истиннѣе и настоящѣе приобщались въ невечернемъ дни царствія Его» (ibid. с. 946).

Такимъ образомъ, подъ тончайшимъ вуалемъ субъективизма, Митрополитъ Платонъ проповѣдуетъ традиціонное православное ученіе о причащеніи того самага Тѣла, которое пострадало на Голгозѣ съ перспективою «претворенія во Христа» въ жизни сей и в жизни вѣчной.

Съ дѣломъ свт. Филарета Московскаго (1782–1867) связанъ рѣшительный отходъ отъ «школьнаго богословія», т.е. схоластики. Святитель изымаетъ изъ обращенія понятія матеріи и формы Таинства и такіе термины какъ «последнее помазаніе», также ведущіе происхожденіе съ

Запада. «Пространний христiанскій Катихизисъ Православной Каѳолической Восточной Церкви» приобрѣль достоинство символической книги и издавался отъ лица Святѣйшаго Синода, безъ упоминанiя имени его составителя. На протяжении 1823–1839 г. вышло нѣсколько изданiй Катихизиса, и всякiй разъ внесенiе необходимыхъ редакцiонныхъ измѣненiй Синодъ поручалъ свт. Филарету. Нѣкоторые утверждаютъ, что учение о пресуществленiи было внесено въ редакцiю 1839 г. противъ воли святителя, подъ давлениемъ Оберъ-Прокурора Графа Протасова, воспитанника иезуитовъ. Дѣйствительно, въ томъ, что въ первоначальныхъ редакцiяхъ Катихизиса не было слова пресуществленiе, можно видѣть влiяние школы, происходящей отъ Ѳеофана Прокоповича. Но это влiяние святитель изжилъ самостоятельно. Въ частной его перепискѣ 1840-ыхъ гг. слово пресуществленiе какъ выражающее православное учение встрѣчается неоднократно (Пространний христiанскій Катихизисъ... М., 2006, с. 5).

Катихизисъ отождествляетъ понятiя преложенiя и пресуществленiя, поясняя со ссылкой на «Изложенiе вѣры восточныхъ Патрiарховъ», что послѣднимъ словомъ «не объясняется образъ», которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ Тѣло и Кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кромѣ Бога; но показывается только то, что истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ бываетъ самымъ истиннымъ Тѣломъ Господнимъ, а вино самую Кровiю Господнею». Подводя итогъ московскому спору конца XIII в., Катихизисъ утверждаетъ, что «важнѣйшее дѣйствiе» въ Литургiи вѣрныхъ — «произнесенiе словъ, которые сказалъ Иисусъ Христосъ при установленiи Таинства... и потомъ призыванiе Святаго Духа и благословенiе Даровъ...» (тамъ же, с. 78–79).

Рѣшительный критикъ «западнаго засилья» въ богословiи Митр. Антонiй (Храповицкiй) предпринялъ послѣ революцiи опытъ переработки Катихизиса свт. Филарета. Перечисляя семь Таинствъ, митр. Антонiй присовокупляетъ: «Впрочемъ и нѣкоторыя другiя важнѣйшiя священнодѣйствiя именовались у древнихъ отцевъ Церкви и въ богослужебныхъ послѣдованiяхъ таинствами: освященiе воды въ день Крещенья, колѣнопреклонныя молитвы въ день Пятидесятницы, также освященiе храма, постриженiе монаховъ». Однако самъ митр. Антонiй тутъ же отмѣчаетъ: «Но для ученiя благочестiя намъ важно знать названныя 7 таинствъ». (Опытъ христiанскаго Катихизиса. Блаж. Антонiя, Митрополита Кiевскаго и Галицкаго. Изд. Австралiйско-Новозеландской Епархiи РПЦЗ, 1989, с. 72). Въ «Опытѣ» повторяется Филаретовская дефиницiя Причащенiя: оно есть «Таинство, въ которомъ вѣрующiй, подъ видомъ хлѣба и вина, вкушаетъ самага Тѣла и Крови Христовой для вѣчной жизни». Повторяется также то, что въ Пространномъ Катихизисѣ сказано о пресуществленiи. Описанiе Литургiи сильно сокращено. (Тамъ же, с. 76–77).

Первый учебный курсъ догматическаго богословiя на русскомъ языкѣ издалъ въ 1848 г. ректоръ Кiевской Духовной Академiи архимандритъ (впослѣдствiи архiепископъ) Антонiй (Амфитеатровъ, 1815–1879), племянникъ Кiевскаго святителя Филарета. Въ короткое время книга выдержала не меньше 8 изданiй. В ученiи о таинствахъ Антонiй слѣдуетъ Филаретовскому Катихизису. Таинство совершается произнесенiемъ установительныхъ словъ и призыванiемъ Святаго Духа. Впрочемъ, Антонiй указываетъ, что «видимое дѣйствiе» тайносовершенiя — это «вся божественная Литургiя». Антонiй учитъ словами, близкими къ Исповѣданiю Патрiарха Иерусалимскаго Досифея: Христосъ присутствуетъ въ таинствѣ «истинно, дѣйствительно и существенно, чрезъ пресуществленiе или преложенiе хлѣба въ самое истинное тѣло Господа, въ которомъ Онъ жилъ на землѣ и страдалъ на крестѣ, и которое потомъ воскресло и вознеслось на небо; а вина въ самую истинную кровь Господа, которая во время страданiй Его излилась за жизнь мiра». Различные варианты протестантскихъ ученiй о Евхаристiи отвергаются. Перечисляя выводы изъ «догмата о пресуществленiи» Антонiй, в частности, говоритъ: «Тѣлу и крови Господней... должно воздавать единую и нераздѣльную божескую честь и поклоненiе, каковыя подобаютъ Спасителю нашему Иисусу Христу». «Должно причащаться... какъ можно чаще, по примѣру христiанъ первенствующей Церкви». «Евхаристiя есть истинная безкровная жертва — и хвалебная, и благодарственная, и умиловительная». (Архимандритъ Антонiй. Догматическое Богословiе

Православной Каѳолической Восточной Церкви, с присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ. СПб., 1852, с. 225–230.

Вскорѣ начала издаваться Догматика Макарія (Булгакова), будущаго Митрополита Московскаго (1816–1882). Первое ея изданіе вышло в 1849–1853 гг., и до конца XIX в. послѣдовало еще 4 изданія. Догматику Макарія отличаетъ духъ системы, за что его часто обвиняли въ слѣдованіи схоластической методикѣ. Въ общемъ ученіи о Таинствахъ Макарій, перечисляя заблужденія различныхъ протестантскихъ сектъ, проводитъ параллель между ними и нашими безпоповцами, считавшими, что необходимы только 2 таинства — крещеніе и покаяніе. Подробно описывая Литургію, Макарій приводитъ значительную часть анафоры, повторяя ученіе Катихизиса о томъ, что «самое важное дѣйствіе въ послѣдней части Литургіи» — произнесеніе установительныхъ словъ и эпиклеза.

«По освященіи святыхъ даровъ въ Евхаристіи находятся и преподаются вѣрующимъ уже не хлѣбъ и вино, а истинное тѣло и истинная кровь Господа... чрезъ преложеніе или претвореніе самага существа хлѣба и вина въ существо тѣла и крови Христовой, т.е. чрезъ пресуществленіе». «Слово: пресуществленіе..., выражающее совершенно ту же самую мысль [что и аналогичные восточные термины], начало входитъ въ употребленіе на западѣ съ половины XI в., а на восткѣ съ XI, когда встрѣчается оно у Геннадія, константинопольскаго патріарха... Съ того времени слово это, какъ правильно и весьма сильно выражающее мысль догмата, стало постоянно употребляться православною Церковію наравнѣ съ словомъ: преложеніе». Здѣсь митр. Макарій даетъ ссылки на Досіоея, Патріарха Іерусалимскаго, Православное Исповѣданіе Вѣры свт. Петра, Посланіе Восточныхъ Патріарховъ и Чинъ архіерейской присяги (Православно-Догматическое Богословіе, т. 2, СПб 1883, с. 396–397).

Христось «присутствуетъ въ семь таинствѣ не однимъ тѣломъ своимъ и кровію, но всѣмъ существомъ, т.е. и душою своею, которая нераздѣльно соединена съ Его тѣломъ, и самымъ божествомъ своимъ, которое впостасно и нераздѣльно соединено съ Его человѣчествомъ... въ каждой части — до малѣйшей частицы — предложеннаго хлѣба и вина находится не какая-либо отдѣльная часть тѣла и крови Господней, но тѣло Христово всегда цѣлое и во всѣхъ частяхъ единое, и въ каждой части... присутствуетъ весь Христось по существу своему, т.е. съ душою и божествомъ» (тамъ же, с. 400–401).

«Если хлѣбъ и вино въ св. и животворящихъ тайнахъ суть истинное Тѣло и истинная Кровь Господа Иисуса: то симъ тайнамъ надлежитъ воздавать ту же честь и Боголѣпное поклоненіе, какими мы обязаны самому Господу Иисусу» (тамъ же, с. 402).

Церковь «внушаетъ чадамъ своимъ приступать къ трапезѣ Господней какъ можно чаще» (тамъ же, с. 407).

Евхаристія есть жертва, «по существу своему совершенно одна и та же съ жертвою крестною... И нынѣ... приносится тотъ же самый Агнецъ Божій, который принесенъ былъ за грѣхи міра на крестѣ... и нынѣ невидимо совершаетъ это таинственное жертвоприношеніе тотъ же самый вѣчный Первосвященникъ... Но по образу и обстоятельствамъ жертвоприношенія евхаристическая жертва отличается отъ жертвы крестной», которая была жертвою кровавой. «Теперь жертва приносится въ Евхаристіи чрезъ таинственное преложеніе или пресуществленіе Духомъ Святымъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову..., — безъ страданій, безъ проліянія крови, безъ смерти, и потому называется жертвою безкровною и безстрастною». Образно говоря, «первая служитъ какъ бы сѣменемъ или корнемъ, а послѣдняя — древомъ, которое... произращаетъ спасительные плоды жизни, — такъ что обѣ жертвы и нераздѣльны между собою, составляютъ собственно одну жертву, и вмѣстѣ различаются между собою». Эта «жертва не только хвалебная и благодарственная, но и умиловительная, приносимая за всѣхъ живущихъ и умершихъ» (тамъ же, с. 419–421).

Въ принципѣ то же ученіе о Евхаристіи излагаетъ въ своемъ Православномъ Догматическомъ Богословіи (1-е изд. Черниговъ 1864) Архіепископъ Черниговскій Филаретъ (Гумилевскій, 1805–1866). Однако, этотъ авторъ дѣлаетъ выпадъ противъ ученія о пресуществленіи, которое онъ ставитъ на одну доску съ лютеранской импанціей и коэкзистенціей: и паписты, и протестанты, какъ почему-то считаетъ онъ, хотѣли съ помощью этихъ понятій постичь, *какъ* совершается тайна Евхаристіи, тогда какъ и тѣ и другіе всего лишь выражали свою вѣру въ то, *что* они имѣютъ въ Евхаристіи. Курьезнымъ образомъ архіеп. Филаретъ замѣчаетъ, что они достигли лишь «вражды, столько противной духу Христовой вечери». (Православное Догматическое богословіе, изд. 2, ч. 2, Черниг. 1865, с. 265). Называя пресуществленіе варварскимъ словомъ, авторъ выдаетъ, что его вдохновителемъ былъ здѣсь Прокоповичъ.

Епископъ Сильвестръ (Малеванскій, 1827–1908) предпринялъ написаніе Догматики въ историческомъ аспектѣ (Опытъ Православнаго Догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ), т. 1–5, Кіевъ 1878–1891). Ему принадлежитъ честь перваго опыта такого рода въ православной литературѣ, но по инерціи у него проглядываетъ подспудная тенденція представлять догматы неизмѣнными не только по содержанію, но и по выраженію, что дѣлаетъ историзмъ достаточно формальнымъ. Все же собранный авторомъ огромный отеческій и иной церковный матеріалъ часто говоритъ самъ за себя. Авторъ не избѣгаетъ и слова пресуществленіе, когда доходитъ до времени, въ которое это слово стали употреблять православные авторы. Еп. Сильвестръ приводитъ въ подстрочникѣ тѣ два уникальныхъ мѣста — въ посланіи псевдо-Златоуста къ Кесарію и въ «Эранистѣ» Θεοδορίτα — гдѣ утверждается, что въ Евхаристіи хлѣбъ сохраняетъ свою природу, по аналогіи съ неслияннымъ и непреложнымъ соединеніемъ двухъ естествъ во Христѣ. Но въ силу своей общей нивеллирующей тенденціи онъ пытается подогнать эти высказыванія къ общему церковно-святоотеческому ученію, предполагая, что подъ словомъ *natura* авторъ посланія къ Кесарію разумѣлъ то, что другіе называли образомъ хлѣба, «предполагая при этомъ въ хлѣбѣ нѣчто иное, болѣе существенное, что претворяется въ тѣло Христово» (Опытъ..., т. II, Кіевъ, 1889, с. 467–468).

Послѣдняя большая русская догматическая система принадлежитъ прот. Ник. Плат. Малиновскому (ум. 1917), который въ общихъ линіяхъ слѣдуетъ Догматикѣ Макарія но обогащаетъ изложеніе обзоромъ русскихъ монографій и журнальныхъ статей II пол. XIX — нач. XX в. Здѣсь «компилятивнымъ способомъ удачно и старательно представлено компактное объединеніе русской научной литературы на протяженіи всего догматическаго объема» (Н.Н.Глубоковскій. Русская богословская наука въ ея историческомъ развитіи и новѣйшемъ состояніи. Варшава 1928, с. 7). Настаивая на понятіи пресуществленія, Малиновскій показываетъ, что оно тождественно понятію преложенія и совершенно необходимо въ новое время для огражденія отъ новыхъ инославныхъ ученій. Дѣлается ссылка на Константинопольскій Соборъ 1691 г. съ его анаеюмой на неприемлющихъ пресуществленіе. Правда, авторъ проявляетъ нѣкоторую непослѣдовательность, когда со ссылкой на Гетте (весьма тенденціознаго автора) порицаетъ за «евхаристическій матеріализмъ» нѣкій католическій катихизисъ XII в. и тутъ же ссылается на греческихъ святыхъ отцовъ, обнаруживающихъ не меньшій «матеріализмъ». Пресуществленіе предполагаетъ жертвенный смыслъ Евхаристіи: «отвергающіе пресуществленіе... не признаютъ и жертвеннаго значенія за Евхаристією (протестанты)». Эта жертва, по существу тождественная съ жертвою крестною, есть жертва хвалебно-благодарственная и умилоствительная. «Кровавая жертва принесена І. Христомъ *видимо* и *непосредственно*, въ дни униженія, страданіяи Его человѣчества, пролитіемъ крови и смертію тѣла. Евхаристическая жертва также приносится І. Христомъ, но воскресшимъ изъ мертвыхъ и сѣдющимъ одесную Бога Отца и не непосредственно, а чрезъ посредство пастырей церкви дѣйствіемъ Всесвятаго Духа». Здѣсь Малиновскій весьма близокъ къ Макарію.

У грековъ первая догматическая система появилась лишь въ началѣ XX в. Авторомъ ея былъ проф. Христосъ Андруцось (1869–1935): Δογματικὴ τῆς ὀρθόδοξου ἀνατολικῆς ἐκκλησίας, ὑπὸ Χριστοῦ Ἀνδρούτσου. Αθήναι, 1907. Андруцось рѣшительно отказывается отъ понятій матеріи и формы

таинствъ. Онъ отмѣчаетъ, что седмичное число таинствъ утвердилось достаточно поздно, на Востокѣ не раньше XII в., а у такихъ писателей какъ Ареопагитъ и Феодоръ Студитъ къ таинствамъ причисляются и нѣкоторыя иныя священнодѣйствія. Однако, излагая учение о семи Таинствахъ, онъ въ цѣломъ придерживается учения символическихъ книгъ XII–XIII вв. и такихъ системъ какъ Догматика митр. Макарія. Евхаристія — «высшее и святѣйшее таинство христіанской религіи». Констатируя позднее, западное происхождение термина пресуществленіе, Андруцось утверждаетъ полную его тождественность со словами преложеніе, претвореніе, μεταστοιχείωσις. Литургія — жертва умиловительная и благодарственная (тамъ же, с. 297, 312–318, 346–375).

Вторая греческая система гораздо объемнѣе — это трудъ корифея греческаго богословія проф. Панагіота Трембела (1886–1977): Δογματικὴ τῆς ὀρθοδόξου καθολικῆς ἐκκλησίας, ὑπὸ Παναγιώτου Ν. Τρεμπέλα. Αθήνα, 1959–1961. Т. 1–3. Объемъ трехъ томовъ — болѣе 1500 с., раздѣлъ III тома, посвященный таинствамъ — 363 с. Трембеласъ, работавшій чуть ли не во всѣхъ областяхъ богословія, слыветъ консерваторомъ. Покойный I. Романидисъ, выступившій съ романтическимъ проектомъ созданія національнаго, «ромейскаго» богословія, называлъ его еретикомъ (правда, въ частной перепискѣ). Трембеласъ умѣетъ отличать смыслъ вѣроученія отъ его исторически варьирующихся выраженій, и на первомъ мѣстѣ у него не учение, но благодатная церковная жизнь. Внѣшне трудный вопросъ о числѣ таинствъ онъ легко разрѣшаетъ тѣмъ, что показываетъ существованіе не только у грековъ и латинянъ, но и въ отдѣлившихся церквахъ Востока однихъ и тѣхъ же священнодѣйствій, которыя не всегда назывались таинствами изъ-за отсутствія точнаго понятія таинства.

Евхаристія — высшее Таинство Новаго Завѣта. Придерживаясь историческаго метода изложенія, Трембеласъ, между прочимъ, приводитъ множество православныхъ свидѣтельствъ рецепціи пресуществленія, вплоть до митр. Макарія (Булгакова). Изъ противниковъ этого учения онъ цитируетъ архіеп. Аѳинскаго Хрисостома (Пападопуло), обличающаго католическихъ схоластовъ въ стремленіи объяснить «материалистически физико-химическое преложеніе хлѣба и вина», и нѣкоторыхъ другихъ, однако самъ въ принципѣ соглашается въ этомъ пунктѣ съ католиками (т. 3, с. 196): «въ сверхъестественномъ семъ преложеніи, хотя и остаются внѣшніе признаки и акциденціи хлѣба и вина, однако всецѣлая сущность ихъ прелагается въ тѣло и кровь Господни...». Это утвержденіе основано на богатѣйшемъ святоотеческомъ матеріалѣ.

Стремясь къ постиженію церковнаго учения о таинствахъ, мы не можемъ игнорировать все это богатѣйшее наслѣдіе послѣднихъ вѣковъ.